

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья
УДК 001.89:327
doi:10.46554/1993-0453-2022-11-217-40-54

США и становление научно-технической политики Республики Корея в период с 1960-х до конца 1990-х гг.

Василий Евгеньевич Грудев

Министерство инвестиционной политики Сахалинской области, Южно-Сахалинск, Россия,
grudev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются становление и реализация научно-технической политики Республики Корея 1960–1990 гг. Анализируется 60-летний опыт использования «пятилеток» в планировании деятельности в Южной Корее. Отражается роль США в формировании и реализации этой политики. В работе использовались материалы научных статей, посвященных обозначенной тематике. Для реализации исследования применялся метод аналогии для проведения сравнительного анализа при сопоставлении опыта советской индустриализации 1920–1930-х гг., Северной и Южной Кореи в контексте индустриализации догоняющего типа. По результатам проведен анализ факторов, положительно или отрицательно повлиявших на становление научно-технической политики Республики Корея. Сделан вывод о значительной роли как самого народа Республики Корея, так и ее правительства для реализации грандиозного проекта модернизации страны.

Ключевые слова: Республика Корея, США, научно-техническая политика

Основные положения:

- ◆ американская экономическая наука воспринимается в современном мире как первооткрыватель южнокорейского «экономического чуда»;
- ◆ большую роль в становлении научно-технической политики страны сыграло тесное военно-техническое сотрудничество с США;
- ◆ главным результатом модернизации страны стало формирование устойчивой научно-технической политики Республики Корея.

Для цитирования: Грудев В.Е. США и становление научно-технической политики Республики Корея в период с 1960-х до конца 1990-х гг. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 11 (217). С. 40–54. doi:10.46554/1993-0453-2022-11-217-40-54.

WORLD ECONOMICS

Original article

The USA and the formation of the scientific and technical policy of the Republic of Korea in the period from the 1960s to the late 1990s

Vasily E. Grudev

Ministry of Investment Policy of the Sakhalin Region, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia,
grudev@yandex.ru

Abstract. The article investigates the formation and implementation of the scientific and technical policy of the Republic of Korea in 1960-1990. The 60-year experience of using "five-year plans" in planning activities in South Korea is analyzed. The role of the United States in the formation and implementation of this policy is reflected. The materials of scientific articles devoted to the designated topic were used in the work. To implement the research, the method of analogy was used to conduct a comparative analysis when comparing the experience of Soviet industrialization of the 1920s-1930s, North and South Korea in the context of the industrialization of a certain type. Based on the results, the analysis of factors that positively or negatively influenced the formation of the scientific and technical policy of the Republic of Korea was carried out. The conclusion is made about the significant role of both the people of the Republic of Korea and its government for the implementation of the grandiose project of modernization of the country.

Keywords: Republic of Korea, the USA, science and technology policy

Highlights:

- ◆ American economics is perceived in the modern world as the discoverer of the South Korean "economic miracle";
- ◆ the close military-technical cooperation with the United States played an important role in the formation of the country's scientific and technical policy;
- ◆ the main result of the modernization of the country was the formation of a sustainable scientific and technical policy of the Republic of Korea.

For citation: Grudev V.E. The USA and the formation of the scientific and technical policy of the Republic of Korea in the period from the 1960s to the late 1990s // Vestnik of Samara State University of Economics. 2022. No. 11 (217). Pp. 40–54. (In Russ.). doi:10.46554/1993-0453-2022-11-217-40-54.

Введение

2022 г. отмечен важным для Южной Кореи юбилеем – исполнилось 60 лет старта первой южнокорейской «пяtilетки», первого шага на пути к «корейскому чуду», или «чуду на реке Ханган», как его часто называют в самой Южной Корее. Южнокорейский успех заслуженно пользуется вниманием в России как со стороны широкой публики, так и со стороны экспертного сообщества. На фоне общей динамики развития двусторонних отношений в последние десятилетия такое внимание породило большие ожидания относительно сотрудничества наших стран, в том числе в области

науки и техники, где Республика Корея добилась поистине впечатляющих результатов.

30-летний юбилей установления дипломатических отношений, который отмечался в 2020 г. [1], а также снижение взаимной торговли и свертывание целого ряда российско-южнокорейских программ на фоне набирающих обороты антироссийских санкций, вкупе с риторикой новоизбранного президента Юн Сок Ёля – хорошие поводы задуматься над итогами 30-летнего цикла в отношениях наших стран. Многочисленные публикации, анализирующие российский взгляд на успехи и неудачи российско-южнокорейского сотрудниче-

ства, свидетельствуют о несоответствии результатов ожиданиям, сопровождавшим его все эти годы. В ряду причин такого расхождения называют протекционизм и неповоротливость отечественного законодательства, непрозрачность российских предприятий, недостаточно благоприятный (по южнокорейским меркам) инвестиционный климат в России, инертность крупных южнокорейских компаний, их опасения «вырастить себе конкурентов» в России, недостаточность политической воли в правительстве, «козни» США и т.п., оставляя практически без внимания самую научно-техническую политику Республики Корея, стоящую на фундаменте, заложенном еще в 1960-е гг. правительством Пак Чон Хи при активном участии администраций Кеннеди и Джонсона.

Методы

В работе использовались материалы научных статей, посвященных рассматриваемой тематике. По полученным данным был проведен анализ факторов, положительно или отрицательно повлиявших на становление научно-технической политики Республики Корея. Также использовался метод аналогии для проведения сравнительного анализа при сопоставлении опыта советской индустриализации 1920–1930-х гг., Северной и Южной Кореи в контексте индустриализации догоняющего типа. Автор статьи уделяет внимание и сравнительному анализу экономических 5-летних планов, реализованных под руководством Пак Чон Хи и следующих администраций Республики Корея.

Результаты

При беглом взгляде на стартовавшие в 1960-е гг. процессы становления южнокорейской экономики вообще и научно-технической политики в частности может показаться, что их теоретические основы следует искать в советской экономической науке. Действительно, ускоренная индустриализация в разоренной гражданской войной аграрной стране, реализованная по специальным 5-летним планам, укрупнение сельхозпредприятий, борьба с неграмотностью – все это вызовы, с которыми неплохо справился Советский Союз. К тому же,

успехи, достигнутые странами социалистического лагеря (включая Северную Корею), на рубеже 1950–1960-х гг. находили желающих следовать «советской модели» по всему миру, в особенности среди лидеров стран Азии и Африки, массово освобождавшихся тогда от колониальной зависимости. В пользу этой точки зрения говорит и возможное близкое знакомство Пак Чон Хи с коммунистическими идеями (известно по крайней мере, что его старший брат возглавлял армейскую организацию Компартии Кореи, и то, что в 1948 г. Пак Чон Хи был исключен из армии во время «чистки» и обвинен (обоснованно или нет) в причастности к коммунистической ячейке [2]).

КНДР в те годы во многих отношениях выгодно отличалась от коррумпированного «Юга» Ли Сын Мана, жившего сельским хозяйством и американской финансовой помощью. Северная Корея, пострадавшая от Корейской войны 1950–1953 гг. не меньше своего южного соседа [3], воспринявшая «коммунистические рецепты», добилась к 1960 г. заметного прогресса в индустриализации и социально-экономическом развитии в целом.

В КНДР уже в 1954–1956 гг. был провозглашен 3-летний план послевоенного восстановления и развития народной экономики, в 1957–1961 гг. [4, с. 569] – первая северо-корейская пятилетка, а в 1961 г. [4, с. 572] был торжественно объявлен новый 7-летний план развития. Благополучие страны росло, доля промышленности в валовом продукте Севера взяла верх над аграрным производством.

Таким образом, впечатления от успехов стран социалистического лагеря, понимание плачевного состояния южнокорейской экономики, динамика роста левых настроений в обществе вполне могли привести генерала Пак Чон Хи к рецепту «советского успеха» в том виде, в котором его преподносили западные критики: жесткая централизованная власть плюс индустриализация страны.

Созданный после переворота 16 мая 1961 г. Военно-революционный комитет, позднее переименованный в Высший совет государственной реконструкции, которым с момента основания де-факто, а после 3 июля 1961 г. [5] и де-юре руководил Пак Чон Хи, работал и официально опубликовал 11 января

1962 г. первый 5-летний план, ставший «закладным камнем» как «корейского чуда», так и научно-технической политики страны. Кроме того, публикацию этого плана можно считать и первым официальным документом научно-технической политики Южной Кореи. Существует исторический анекдот, согласно которому Пак Чон Хи пообщался с доктором Ким Джэ Гваном, представившим президенту свою работу о возможности развития сталелитейной промышленности Кореи на банкете для молодых ученых в Мюнхене. Эта встреча изменила историю Южной Кореи.

Своеобразный «русский след», действительно, присутствует в истории «корейского чуда», однако искать его необходимо совершенно в другом месте. Итоги Второй мировой войны, успехи, достигнутые СССР к середине XX в., дали мощный толчок исследовательской работе университетов и бюрократии США, направленной на изучение «анатомии советского роста» и экономического роста как такового. Эта работа выдвинула целую плеяду ученых, среди которых было немало выходцев из Российской империи и СССР, таких, например, как Саймон Кузнец [6], Александр Гершенкрон, Уолт Ростоу. Их идеи, важнейшей из которых была ключевая роль научно-технического прогресса в современном экономическом развитии [7], были использованы правительством США для укрепления своего влияния в странах Азии, в том числе в Южной Корее, где в результате военного переворота 16 мая 1961 г. к власти пришла группа офицеров во главе с генералом Чан До Ёном. Сам Чан До Ён в своих мемуарах признавал (возможно не вполне искренне) лидерство Пак Чон Хи и заявлял, что с самого начала являлся лишь номинальным руководителем переворота [8].

Военные, «остановив хаос» в стране, должны были либо быстро уйти, уступив место одному из действующих гражданских политиков (на чем поначалу категорически настаивали США), большинство из которых успели дискредитировать себя в глазах народа как коррумпированные и недееспособные, либо так же быстро выступить с собственной программой, способной убедить в своей состоятельности главного спонсора – США, а заодно и народ Кореи по обе стороны 38-й параллели

(объединение Кореи казалось тогда делом не столь далекого будущего). Задача тем более непростая, что генерал Чан До Ён, добившись встречи с Кеннеди [9], получил официальное признание США в обмен на обещание передать власть гражданскому правительству не позднее 15 августа 1961 г. Позиция Чан До Ёна шла вразрез с мнением Пак Чон Хи и большинства высших офицеров, что по сути привело к еще одному перевороту – 3-го июля, в результате которого Чан До Ён был арестован, а Пак Чон Хи был вынужден заново налаживать отношения с администрацией Кеннеди и, возможно, одновременно готовиться к действиям на случай, если США объявит его командой вне закона или попытаются сместить ее силовым методом.

Параллельно развивался так называемый «Второй Берлинский кризис», едва не приведший в середине 1961 г. к ядерному столкновению великих держав [10].

От Белого дома требовался нестандартный ход, позволяющий укрепить позиции США в «проблемном» регионе, вне сфер обороны, где напряжение достигло максимума с момента окончания мировой войны (СССР и США приостановили процесс сокращения вооруженных сил и приступили к развертыванию дополнительных войск в Европе), и идеологии (где левые движения, симпатизировавшие СССР и пользовавшиеся его прямой или косвенной поддержкой, росли по всему миру, включая сами США и их союзников по всему миру). Такой сферой стала экономика.

В конце 1961 г. по приглашению президента США Кеннеди пост советника государственного департамента США и одновременно главы управления планирования госдепартамента принял Уолт Ростоу (Walt Whitman Rostow, 1916–2003) – выдающийся экономист и политолог, сын российских эмигрантов, с обширными связями в еврейском националистическом движении Бунд. Среди «рыцарей нового Камелота», как тогда в шутку называли администрацию Кеннеди [11], он был далеко не самой заметной, но без сомнения выдающейся фигурой. До своего прихода в Белый дом Ростоу успел послужить в Управлении Стратегических Служб (предшественник ЦРУ) и сделать академическую карьеру. Его также

считают «отцом» политики американской экспансии в Юго-Восточной Азии [12] и идеи экономического сдерживания нарастающего влияния СССР в странах «третьего мира» (некоторые исследователи полагают, что Росту не был здесь пионером, поскольку еще в начале 1950-х гг. Джордж Кеннан [13] предложил экономику в качестве инструмента сдерживания советской экспансии) путем оказания им помощи в долгосрочном развитии. Он, в частности, считал, что страны «третьего мира», а не Европа, на которой в те годы было сфокусировано внимание американской внешней политики, станут полем «грядущей битвы» за влияние, где США, помимо СССР, столкнется еще и с третьей силой в лице местного национализма.

По мнению самого Росту, исключительно военная помощь странам «третьего мира», которая в те годы оказывалась в основном странам Европы в рамках «Плана Маршалла» [14], не обеспечит стабильности в регионе и серьезно истощит экономику как этих стран, так и самих США, одновременно создавая Америке образ страны, «подливающей масла в огонь». Таким образом, основным приоритетом США в странах «третьего мира» должна (хотя бы внешне) стать не военная, а экономическая (в первую очередь «технологическая») помощь, что, помимо прочего, обеспечит Америке еще и пропагандистский успех в регионе и позволит сделать союзником местный национализм.

Политические взгляды Росту, а также критика, которой он подверг политику администрации Эйзенхауэра, пришлось «ко двору» Кеннеди, который еще во время своей предвыборной кампании сблизился с ученым, что дало последнему шанс реализовать свои теории на практике. Суть их в кратком изложении можно свести к 3 пунктам:

1. В отношении стран «третьего мира» США должны применять долгосрочные (от 5 лет) государственные инвестиции, ибо в условиях политической и экономической нестабильности частный капитал не откликнется на призыв инвестировать в отсталые страны [15].

2. Займы вместо грантов должны предоставляться для финансирования конкретных программ и проектов (помощь Южной Кореи в

те годы была в основном безвозмездной – правительство Южной Кореи только от США в период 1945–1948 гг. получило в общей сложности 409,4 млн долл. такой помощи [16]). В то время США активно спонсировали лояльные им режимы в странах «третьего мира», ежегодно определяя размер помощи в ходе дебатов в конгрессе, что делало нестабильным как сам факт предоставления помощи, так и ее размер.

3. Странам – реципиентам финансовой и технологической помощи должна оказываться как экспертная поддержка в проведении экономических преобразований, так и политическая поддержка для включения их в торгово-экономические и военные отношения с США и их союзниками по всему миру.

В 1960 г. Росту опубликовал свою работу «Стадии экономического роста: некоммунистический манифест», впервые выпущенную на русском языке в 1961 г. издательством Фредерик Прегер в Нью-Йорке, в ней он сформулировал 5 стадий роста:

- 1) традиционное общество;
- 2) период создания предпосылок для подъема;
- 3) взлет (в оригинале – take-off);
- 4) движение к зрелости;
- 5) век высокого массового потребления.

Идеи Росту во многом перекликались с изложенными ранее идеями Александра Гершенкрона [17], сама «теория стадий» подверглась критике видных теоретиков экономического роста (например, Саймона Кузнецца), а собственно Корею Росту не уделил в своей книге никакого внимания. Тем не менее именно Корея стала страной, в которой блестяще были применены подходы, изложенные в этой работе. Сопоставив задачи, решаемые на различных «стадиях роста», описанных Росту, с южнокорейскими пятилетками, можно сделать вывод о том, что руководство Южной Кореи было хорошо знакомо с его теорией и руководствовалось ею, планируя реформы в стране. При этом в своей работе 1979 г. Пак Чон Хи часто использует терминологию стадий Росту [18].

По «шкале Росту» Южная Корея образца 1961 г. все еще находилась на первой стадии развития (т.е. «традиционное общество»), по-

тому «первая пятилетка» (1962–1966 гг.) соответствовала второй стадии – «созданию предпосылок для подъема». Проработка первого плана пятилетки началась еще до военного переворота, однако он претерпел значительные изменения, которых не было в первоначальных идеях. Сам Пак Чон Хи в своей книге так описывает задачи первой пятилетки: «Основной задачей этого плана было создание фундамента независимого развития свободной рыночной экономики и, в конечном итоге, проведение индустриализации», «...основная стратегия – проведение индустриализации страны на основе развития экспортных отраслей» [18].

В соответствии с идеями Ростоу, страна на основе западных (главным образом, американских) технологий и сырья, закупаемых на льготные долгосрочные займы, предоставляемые США (и контролируемые ими международными организациями), приступила к созданию базовой инфраструктуры, а также производств, продукции которых был обещан доступ к рынкам самой Америки и ее союзников.

Таким образом, Южная Корея в финансовом, торговом и технологическом отношении «привязывалась» к США, подобно тому, как в XVIII–XIX столетиях «привязывались» к империям новые территории. Интересным аспектом «технологической» привязки является сотрудничество в сфере ядерных технологий. В 1956 г., практически одновременно, США и Южная Корея подписали «Соглашение о сотрудничестве между правительством Республики Корея и правительством Соединенных Штатов Америки в области гражданского использования атомной энергии», а Северная Корея подписала подобное соглашение с Советским Союзом [19]. Причем, как показывает история, «технологическая» привязка оказывается самой стойкой из всех – в Европе основные дорожные пути до сих пор пролегают по маршрутам дорог, построенных в Древнем Риме [20].

Чуть подробнее остановимся на «первой пятилетке», ибо в ней были заложены принципы и механизмы формирования научно-технической политики, по сей день оказывающие влияние на развитие страны и ее отношение с партнерами по всему миру. В первой пятилетке основной приоритет был отдан развитию

ряда базовых отраслей, ставших локомотивом развития в эпоху Великой промышленной революции. Основными получателями американских технологий и инвестиций стали текстильная промышленность, металлургия, нефтехимия, производство минеральных удобрений, электроэнергетики, цемента.

Согласно теории Ростоу, такие вложения должны были максимально быстро окупиться за счет высокого спроса на производимый продукт, который будет использоваться в дальнейшем для создания (и снабжения) более сложных производств с более высокой добавленной стоимостью. Создаваемые в таких отраслях новые рабочие места становились «школой» подготовки рабочей силы нового типа – инженерных и технических кадров «нового типа», рабочих, обладающих «западной» производственной культурой.

Важным проявлением научно-технической политики страны стал еще и четкий сигнал, данный первой пятилеткой, который можно сформулировать так: «Хочешь воспользоваться социальным лифтом – учи английский язык [21], получай техническое образование [22]» – установка, во многом действующая в южнокорейском обществе до сих пор. Как уже было сказано, создание новых и модернизация существующих производств велась на основе оборудования и технологических стандартов США под руководством американских специалистов. Например, Элис Амсен [23], в частности, указывает на важное отличие политики Южной Кореи от политики других стран – реципиентов аналогичной американской помощи: «Предприятия с самого начала получали прямые (адресные) инвестиции, и строго в обмен на внедрение «западных» технологий и стандартов производства и управления».

В работе «Стадии экономического роста» Ростоу отмечает, что процесс индустриализации базируется на собственном накопленном капитале страны и/или импортируемом капитале. При этом важнейшим вызовом является привлечение капитала в создание базовой инфраструктуры – дорог, мостов и т.д. – наиболее дорогостоящих проектов с длительным (часто неочевидным) сроком окупаемости, наименее привлекательных для инвестиций, в особенности частных.

Есть мнение, что Всемирный банк и члены кабинета Пак Чон Хи критиковали идею строительства стратегической автомагистрали Сеул – Пусан, финансирование которой тем не менее было одобрено [24]. Такой «удивительной гибкости» американских финансистов, как ни странно, без сомнения послужила напряженная обстановка, сложившаяся к началу 1960-х гг. на Корейском полуострове в частности и в Юго-Восточной Азии в целом. Чарльз Вольф, аналитик американской консалтинговой компании RAND, в опубликованном в октябре 1962 г. отчете «Экономическое планирование в Корее» отмечает ставшее «сюрпризом» для него «практически полное» отсутствие в документах экономического планирования страны сведений об ожидаемом воздействии развернувшегося в Южной Корее активного военного строительства, задействованных в нем человеческих и технических ресурсов на экономический рост [25].

С учетом позиции Ростоу, указывавшего на примерах кайзеровской Германии, Российской империи XIX в. и Японии Мейдзи на положительную роль, которое военное строительство может сыграть в модернизации страны, такая особенность первого пятилетнего плана скорее не ошибка планирования (как предполагал Чарльз Вольф), а сознательный ход его авторов, имевших задачей оставить «в тени» эту сторону начального этапа корейской индустриализации. Забегая вперед, отметим, что, по данным 2022 Military Strength Ranking [26], вооруженные силы Республики Корея занимают 6-ю строчку в глобальном рейтинге потенциала вооруженных сил (Россия на 2-м месте) с общей численностью войск 3699 тыс. человек [27] (для сравнения, численность ВС РФ в 2022 г. должна составить 2 039 758 человек [28]).

С поражением Чан Кайши и в связи с политикой «демилитаризации» Японии, у США не осталось в регионе союзников, обладающих серьезной военной силой. Кроме того, опыт Корейской войны показал, что Сеул может быть быстро захвачен, учитывая, что расстояние от 38-й параллели до Сеула всего 40 км – в зоне досягаемости современных артиллерийских систем крупного калибра [29], а расположенный поблизости порт Инчхон также за-

хвачен либо блокирован. В результате, доставка и снабжение войск будут возможны только через южные порты страны, в силу чего, с военной точки зрения, строительство стратегической автомагистрали Пусан – Сеул совсем не выглядит пустой тратой средств. Поэтому военные США были заинтересованы в развитии инфраструктуры Южной Кореи, а также развитии военно-технического потенциала страны не меньше самого Пак Чон Хи.

Таким образом, приоритетные отрасли «первой пятилетки» (текстильная промышленность, металлургия, нефтехимия, цемент и т.д.), выстроенные на технологиях и получаемых в США и под техническим руководством (а значит, и контролем) последних, создавали еще и «местные» ресурсы для бесперебойного обеспечения как модернизированных по американским лекалам вооруженных сил Южной Кореи (горючее, продовольствие, обмундирование, строительство современных фортификационных сооружений и т.п.), так и американского военного контингента в стране, исключая в случае войны перебои с поставками и снижая их себестоимость в первую очередь для самих США. Примечательно, что первый (и долгое время остававшийся единственным) научно-исследовательский институт в Корее был создан еще в 1950 г. именно Министерством обороны для работы в области вооружения и боеприпасов.

Южнокорейским же предприятиям финансируемый подобным образом оборонный заказ обеспечивал быструю прибыль от такого «экспорта» (американский контингент в Южной Корее – USFK, по состоянию на 1962 г. 60 947 человек. Его командование отвечает в том числе за «организацию, обучение и оснащение сил США в регионе» [30]) и возврат инвестиций, которые южнокорейские предприятия и власти могли направлять на расширение производства или производство продукции «гражданского» назначения. Оправданность такого подхода для самих США проявилась уже через несколько лет в ходе Вьетнамской войны, где корейский военный и гражданский контингенты были вторыми по численности после США – 46 тыс. солдат и офицеров, в общей сложности более 300 тыс. корейцев приняли участие в войне на стороне США [31], а снаб-

жение войск из Южной Кореи проявило себя наиболее эффективно.

Таким образом, задачи южнокорейской индустриализации отвечали одновременно подходам как «ястребов», так и «голубей» в Вашингтоне, что в отсутствие собственного капитала в стране обеспечивало Южной Корее его надежный приток (а также приток военных технологий и технологий «двойного назначения») и по «военному» каналу. Характерно, что ни размещение американского ядерного оружия в Южной Корее (с 1958 по 1970 г. его объем только наращивался, а Южная Корея приступила к разработке собственного ядерного оружия только в начале 1970-х гг. [32]), ни вывод в 1958 г. китайских войск с территории Северной Кореи [33], ни безъядерный (в то время) статус КНДР не стали поводом для сокращения американского военного присутствия в стране, а военно-техническое сотрудничество США и Южной Кореи наращивается и по сей день, при этом роль в нем Южной Кореи как поставщика поступательно возрастает.

В ходе первой пятилетки специальные усилия были направлены на улучшение начального и среднего специального образования. Джеймс Грейсн указывает на видную роль, которую сыграли протестантские общины США, активно действующие в Южной Корее с конца 80-х гг. XIX в., в борьбе с неграмотностью и популяризации образования в Корее [34]. Тимоти Деми и Джеффри Шоу в своей книге «Религия и современная политика» [35], в статье 2015 г., посвященной Республике Корея, указывают, что протестантизм американского толка и в наши дни является доминирующей религией в стране: по опросам 2015 г. – 19,7% (далее в рейтинге следуют соответственно 15,5% буддисты и 7,9% католики); согласно данным Statista, в 2022 г. около 51% населения Южной Кореи не исповедует религию, а около 20% населения исповедует протестантизм [36]. В 1960–1980 гг. религиозность общества была значительной, а число адептов Евангельской протестантской церкви (крупнейшая религиозная община США, 25,4% взрослого населения США относят себя к этой церкви [37]) в Южной Корее росло «потрясающими темпами». Таким образом, своеобразная «американизация» южнокорейского обще-

ства происходила не только в техническом, но и в культурном плане. Важнейшим политическим событием пятилетки стал американско-корейский саммит 1965 г. По его итогам США предложили Южной Корее помощь в создании национального института промышленных технологий и прикладной науки, а также решение о заключении мирного договора между Японией и Республикой Корея. Целью США было сплочение союзников в регионе и «перекаладывание» на Японию части своего бремени по модернизации Кореи. В результате Япония стала вторым по значимости «донором» технологий для Кореи. Хорошей иллюстрацией служит история создания в 1969 г. компании POSCO. Финансирование и техническое оснащение предприятия изначально планировали Эксим Банк и американские компании, но в 1969 г. их заменили деньги японского правительства и японские компании Mitsubishi Heavy Industries, Nippon Kokan и NipponSteel Corporation. Итогом пятилетки стало открытие в 1966 г. при содействии правительства США Корейского института науки и техники (KIST) на правах независимой некоммерческой организации. При этом оба правительства обязались финансировать его создание и деятельность в течение первых 5 лет – правительством Кореи было выделено 14,1 млн долл., правительством США – 7,18 млн долл. [38].

Вторая пятилетка (1967–1971 гг.), проходившая на фоне разрастания Вьетнамской войны, акцентировалась на развитии еще нескольких отраслей – локомотивов Великой промышленной революции, с применением материальной и технологической базы, созданной в ходе первой пятилетки. Речь идет, прежде всего, о производстве стали и машиностроении, а также о химической промышленности: Pohang Integrated Steel Mill (POSCO) и Wulsan Petrochemical – «дети» второго пятилетнего плана [39, с. 186]. Продукция этих отраслей начала процесс импортозамещения сырья, закупувшегося для нужд первой пятилетки. Однако главной задачей создаваемых предприятий стала их изначальная ориентация на внешние рынки, так как текущая емкость внутреннего рынка не обеспечивала рентабельности столь крупных производств. Это дало новый приток американских стандартов каче-

ства и технологий производства, уже, как отмечалось выше, наряду с японскими. Помимо создания новых компаний, правительство страны «поручало» развитие тех или иных направлений чеболям и отдельным предприятиям, персонифицируя ответственность их владельцев и руководства, одновременно давая им большую свободу действий за пределами страны [39, с. 187]. Таким образом, южнокорейские компании стали совершать первые самостоятельные шаги на американских рынках технологий и капитала. Вторая пятилетка ознаменовалась первыми прямыми «оборонными» заказами от американского правительства, а также принятием актов о развитии науки и техники и научном образовании [40]. Принятие этих актов стало прологом к открытию в стране целой системы институтов научно-технического развития, созданных по образцу KAIST, ставших впоследствии своеобразной визитной карточкой Южной Кореи (в 1970 г. открыто Агентство оборонного развития (ADD), в 1971 г. – Корейский институт развития (KDI) и Корейский институт передовых наук (KAIS) [41]). Они не только координировали научно-техническую политику страны, проводили исследования и расчеты, но и выполнили на этапе становления ту функцию, которую в развитых странах выполняют университеты, – функцию площадки для выработки идей и предложений по долгосрочному развитию страны. Кроме того, находясь в тесной связи со своими американскими коллегами и кураторами, они имели возможность посредством их оказывать некоторое влияние на руководство собственной страны.

Согласно Росту, начиная с третьей пятилетки (1972–1976 гг.), Республика Корея осуществляла этап «движения к зрелости». Пятилетка была отмечена активным ростом экспорта в химической промышленности, машиностроении, электронике, судостроении. Параллельно страна осуществляла амбициозный план по наращиванию своей военной мощи. Этому способствовала и Вьетнамская война, и политика Северной Кореи [42], и начавшаяся в США дискуссия по сокращению вооруженных сил страны за рубежом. В мероприятия военного строительства в 1970-е гг. был вовлечен широкий круг компаний, в том числе сред-

него бизнеса. Одним компаниям оборонный заказ назначался директивно, некоторые включались в него по «мобилизационной» схеме лишь на случай войны, но обязывались создавать необходимые мощности в мирное время [43].

Таким образом, военное строительство по американским стандартам распространилось в промышленности страны, где подавляющее большинство предприятий вовлекалось так или иначе в выпуск оборонной продукции или продукции «двойного» назначения. Вместе с тем, наряду с оборонными заказами, Агентство оборонного развития Южной Кореи (ADD) на основе оборонных технологий, полученных в США, приступило к разработкам для гражданских предприятий страны, что на долгие годы сделало этот институт ведущим в национальном машиностроении [44]. Здесь же велись основные исследования по разработке ядерного оружия и средств его доставки [45]. Показательно, что после успешных испытаний ядерного оружия Индией в 1974 г. под давлением США корейский ядерный проект (по крайней мере, официально) был закрыт. Важным событием третьей пятилетки стало принятое в 1973 г. решение о создании южнокорейского «наукограда» – Тэдок («Basic Plan for the Research and Education City of Daedeok») [46].

Перечисленные выше тенденции развились в четвертой пятилетке (1977–1981 гг.), когда страна стала массово производить продукцию, конкурентоспособную на мировых рынках. Стратегические направления включали наукоемкие высокотехнологичные отрасли – машиностроение, электронику и кораблестроение, продолжилось активное развитие химической промышленности. Принятая тогда же программа развития собственного военно-промышленного комплекса предусматривала достижение Южной Кореей обеспечения потребностей в производстве всех видов вооружений, за исключением самолетов и высокотехнологичного электронного оборудования.

В частности, по американским лицензиям было налажено производство боеприпасов, легкого стрелкового оружия, артиллерийских систем, зенитных установок «M163 Вулкан». Автомобильная промышленность наладила

выпуск бронетранспортеров, судостроительная – патрульных катеров. С 1978 г. южнокорейская военная промышленность при поддержке США начала сборку танков и вертолетов.

Окончание «эры» Пак Чон Хи совпало с необходимостью решения ряда задач социального развития страны, отразившейся в планах пятой пятилетки (1982–1986 гг.). Заявления нового президента Республики Корея о необходимости построения «общества справедливости», «демократического и процветающего государства» требовали реальных шагов по улучшению качества жизни в стране, что требовало создания современной (в том числе телекоммуникационной) инфраструктуры, производства доступных товаров народного потребления – бытовой техники, автомобилей и т.д., повышение доступности образования. Теперь, как никогда, американская тяжелая промышленность, американское «общество потребления» стали «ориентиром» для нового витка развития Республики Корея, а американские предприятия – источником инвестиций и технологий. К 1980 г. охват системой среднего образования достиг уровня в 78%, что стало максимумом среди группы азиатских и латиноамериканских «догоняющих» экономик, а сами 1980-е гг. ознаменовались быстрым ростом уровня высшего образования [47]. Важным событием стало объединение Корейского института телекоммуникационных исследований с Корейским институтом электрических исследований и испытаний, а также Корейским институтом электронных технологий в единый Научно-исследовательский институт электроники и телекоммуникаций ETRI. Из-за противодействия Международного банка реконструкции и развития (МБРР) [48], который должен был предоставить Южной Корее кредит, слияние было завершено только в 1985 г. ETRI стал ключевым институтом развития 1980-х гг. Создание первой в стране электронной АТС стало крупнейшим проектом в истории страны на тот момент, с общим бюджетом 24 млрд корейских вон. В результате Корея стала десятой страной в мире, обладающей такой системой. В дальнейшем, в ETRI были созданы технологии, заложившие основы полупроводниковой промышленности страны [49].

Шестая (1987–1991 гг.) и седьмая (1992–1996 гг.) пятилетки соответствуют стадиям «стремления к зрелости» и перехода к веку «высокого потребления» по Ростоу. Экономика Республики Корея решала задачи «стабилизации» и перехода к «устойчивому» росту, знаменовавшиеся укреплением экономической самостоятельности и стабильности страны, повышением благосостояния и предоставлением большей свободы экономической деятельности и активного выхода на внешние рынки. Главными «действующими лицами» этой политики, провозглашенной президентом Ро Дэ У, стали чеболи. В 1989 г. на 50 крупнейших южнокорейских чеболей приходилось 73,4% всего товарооборота, а доля 30 крупнейших чеболей в химической и тяжелой промышленности составляла без малого 50%. Крупные южнокорейские компании стали все чаще выступать на международной арене как самостоятельные игроки, решая в том числе задачи научно-технического сотрудничества. В 1980-е гг. чеболями стали создаваться частные научно-исследовательские организации, филиалы которых распространились по всему миру, включая сами США. И сегодня США продолжают оставаться ключевым партнером Республики Корея, сохраняя свое влияние во многих жизненно важных отраслях. Несмотря на то, что роль США постепенно ослабевает, тесное научно-техническое сотрудничество двух стран продолжает свое развитие и высоко ценится элитой Южной Кореи, о чем недвусмысленно заявил в ходе своей предвыборной кампании новый президент Республики Корея Юн Сон Ёль, призвавший к его укреплению и расширению.

Обсуждение

Анализ взаимоотношений США и Республики Корея и их роли в экономическом становлении одного из четырех «азиатских тигров» является если не своеобразной «инструкцией рекомендательного характера», то важным уроком и примером того, как предоставление помощи государству определенным методом способно запустить и ускорить процессы развития вторичных и третичных секторов экономики страны. Американская помощь в укреплении южнокорейской экономики обеспечила

им важного социально-экономического, научного и военно-стратегического союзника, ставшего одним из самых привлекательных экономических партнеров и крупнейших игроков на современной международной арене.

Изучая этот опыт, мы можем теоретически экстраполировать и «примерить» его на страны, которые, с учетом своих особенностей и за вычетом уникальных для Южной Кореи характеристик, потенциально могут повторить проделанный «страной утренней свежести» путь развития. Особое внимание в этом отношении стоит уделить странам Африки и Юго-Восточной Азии; как минимум, их потенциал в качестве рынка сбыта товаров и услуг многозначителен. Как нынешние, так и будущие усилия по содействию развитию стран этих блоков будут интересными объектами для изучения и анализа влияния различных типов поддержки (социально-экономической, военной, ресурсной, в чистом виде финансовой) и их эффективности.

Организации, вроде ОЭСР, используют подход поступательной помощи для запуска экономик стран-реципиентов и их толчка к дальнейшему самостоятельному развитию, но фокусированный (и не обязательно безвозмездный) подход к помощи в становлении страны на примере США и Кореи демонстрирует очевидные результаты, экстраординарность которых заслужила им название «чуда».

Заключение

В наши дни американская экономическая наука воспринимается скорее как первооткрыватель южнокорейского «экономического чуда», а американские университеты, высоко-

технологические предприятия и потребители – главные зарубежные выгодоприобретатели его плодов. На деле же, американские экономисты были соавторами этого «чуда», американские политики с помощью технологий американских предприятий и на деньги американских налогоплательщиков в 1960–1970-е гг. заложили его фундамент. Видную роль в становлении научно-технической политики страны сыграло тесное военно-техническое сотрудничество с США, обеспечившее в ходе Вьетнамской войны впечатляющий рост ВПК Республики Корея (сегодня Южная Корея занимает 8-е место в рейтинге экспортеров оружия) [50]. Помимо прочего, это обеспечило США беспрецедентное «технологическое» влияние в стране, добившейся поразительных успехов, занимающей лидирующие позиции в мировом рейтинге технологического и инновационного развития. Это несколько не умаляет роли как самого народа Республики Корея, так и ее правительства, без серьезных усилий которых реализация столь грандиозного проекта модернизации страны была бы невозможна (однако заставляет считаться с «американским фактором» тех, кто заинтересован в научно-техническом сотрудничестве с Республикой Корея). Главным результатом этих усилий (помимо очевидных успехов в социально-экономическом развитии) стало формирование устойчивой научно-технической политики Республики Корея – эффективного механизма, нацеленного на привлечение в страну иностранных технологий и капитала, реализующего долгосрочную задачу – создание и наращивание собственного научно-технического потенциала.

Список источников

1. Петровский В. Российско-южнокорейские отношения. К юбилею установления отношений. 02.10.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27651> (дата обращения: 25.11.2022).
2. Han Y. The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea. Cambridge : Harvard University Press, 2011. Pp. 35–57.
3. Malkasian C. The Korean War 1950-1953. Osprey Publishing Limited, 2001.
4. Курбанов С. Курс лекций по истории Кореи. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.
5. [1961 Today] Park Chung Hee took office as Chairman of the Supreme Council for National Reconstruction. 03.07.2017. (In Kor.). URL: <https://www.yeongnam.com/web/view.php?key=20170703.010080723120001> (дата обращения: 14.10.2022).
6. Abramovitz M. Simon Kuznets (1901–1985) // The Journal of Economic History. 1986. Vol. 46, No. 1. Pp. 241–246.

7. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven and London : Yale University Press, 1966. Vol. 17. Pp. 9–12.
8. Jang D. (Memoirs of Jang Do-young) Nostalgia. Dream in the Forest, 2001.
9. National Reconstruction Supreme Conference. Joongang Ilbo. 23.02.1982. (In Kor.) URL: <https://www.joongang.co.kr/article/1619448#home> (дата обращения: 20.12.2022).
10. Паклин Н. Интервью с куратором французских спецслужб в правительстве Де Голя Константином Мельником // Российская газета. 19.04.2008. URL: <https://rg.ru/2008/04/19/melnik.html> (дата обращения: 13.10.2022).
11. McNamara R.S., Van De Mark B. In Retrospect: The Tragedy and Lessons of Vietnam. 1995. P. 9.
12. Walter Rostow Economic historian who was adviser to two US Presidents, remaining a hawk about the Vietnam War until the end. The Sunday Times. 19.02.2003. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/walter-rostow-p9zs86g3thx> (дата обращения: 18.11.2022).
13. Кеннан Д. Длинная телеграмма. 1946. URL: <http://www.coldwar.ru/bases/telegramm.php> (дата обращения: 05.09.2022).
14. Ратников Н. Маршалла план. URL: <http://www.hrono.ru/sobyty/1900sob/1947marshal.php> (дата обращения: 12.10.2022).
15. Rostow W.W., Millikan M. A Proposal: Key to an effective foreign policy. New York : Harper & Brothers. Pp. 16–19.
16. Суслина С. Республика Корея: от реципиента до донора официальной помощи развитию // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 4. С. 114–118. doi:10.24833/2071-8160-2011-4-19-114-118.
17. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
18. Park Chung Hee. Korea Reborn. A Model for Development. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, USA, 1979.
19. Lee C.G. North Korea's nuclear program. Tree of Thought. (In Kor.). 2005. Pp. 72–75.
20. Пчельников В., Сухотина А. Исторически сложившиеся процессы интеграции объектов архитектуры с транспортными путями // Строительство и техногенная безопасность. 2014.
21. Brendan Flattery. Language, Culture, and Pedagogy: An Overview of English in South Korea. University of Toronto, 2007.
22. Science and technology education. National Archives of Korea. (In Kor.). URL: <https://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=003169&sitePage=1-2-1> (дата обращения: 14.09.2022).
23. Amsden A.H. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. Oxford University Press, 1989. P. 9.
24. Jeon C. A Road to Modernization and Unification: The Construction of the Gyeongbu Highway in South Korea // Technology and Culture. 2010. Vol. 51, No. 1. Pp. 55–79.
25. Wolf C. Economic planning in Korea. RAND Corporation, 1962. P. 12.
26. 2022 Military Strength Ranking. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 05.11.2022).
27. Top 10 Countries with the Highest Number of Active-Duty and Reserve Military Personnel (in members). URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/military-size-by-country> (дата обращения: 05.11.2022).
28. Об установлении штатной численности Вооруженных сил Российской Федерации : указ Президента РФ от 25.08.2022 № 575. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.08.2022).
29. National defense/military service. National Archives of Korea. (In Kor.). URL: <https://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=006335&pageFlag=&sitePage=1-2-1> (дата обращения: 05.11.2022).
30. United States Forces Korea. URL: <https://www.usfk.mil> (дата обращения: 15.11.2022).
31. Luong D. It's Time for South Korea to Acknowledge Its Atrocities in Vietnam. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/12/30/vietnam-war-south-korea-massacres-history-diplomacy/> (дата обращения: 06.09.2022).
32. Bong L.J. U.S. Deployment of Nuclear Weapons in 1950s South Korea & North Korea's Nuclear Development: Toward Denuclearization of the Korean Peninsula // The Asia Pacific Journal. 2009. URL: <https://apjif.org/-Lee-Jae-Bong/3053/article.html> (дата обращения: 07.11.2022).

33. Топчий И.А. Китайские войска на территории КНДР после завершения Корейской войны (1953–1958 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 1. С. 245–256. doi:10.21285/2415-8739-2020-1-245-256.
34. Grayson J.H. Korea – A Religious History. Revised ed. Routledge-Curzon, 2002. Pp. 157–158.
35. Demi T., Shaw J. Religion and Contemporary Politics: A Global Encyclopedia. ABC-CLIO, LLC, 2019. P. 365.
36. Population distribution in South Korea in 2022, by religion. URL: <https://www.statista.com/statistics/996013/south-korea-population-distribution-by-religion/> (дата обращения: 15.11.2022).
37. Masci D., Smith G.A. 5 facts about U.S. evangelical Protestants. 01.03.2018. URL: <http://pewrsr.ch/2FHDIOv> (дата обращения: 18.10.2022).
38. Kim G. An Anatomical Chart of South Korean Science and Technology in the 1960s: Their Relationships with Political Power // EASTS: An International Journal. 2011. Vol. 5, No. 4. Pp. 529–542.
39. Kim J., Shim S., Kim J. The Role of the Government in Promoting Industrialization and Human Capital Accumulation in Korea. University of Chicago Press, 1995. Vol. 4. Pp. 181–200.
40. The Korean Law Information Center. Science Education Act. (In Kor.) URL: <https://law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=3050#0000> (дата обращения: 12.11.2022).
41. Moon M.C. Understanding Compressed Growth of Science and Technology in South Korea: Focusing on Public Research Institutes // The Korean Journal for the History of Science. 2015. Vol. 37-2. Pp. 431–453.
42. Fischer H. CRS Report for Congress. North Korean Provocative Actions, 1950 – 2007. Congressional Research Service. 2007. Pp. 6–7.
43. Kim C.Y. A Thirty-Year History of Korean Economic Policy: A Memoir. (In Kor.). Joong-ang and Ilbo-sa, 1990.
44. Kim J.K. Park Chung Hee and Korea's Arms and Defense Industry. Seoul : Seonin Books, 2010. Pp. 183–201.
45. Hersman R., Peters R. Nuclear U-turns. Learning from South Korean and Taiwanese Rollback. The Monterey Institute of International Studies, Center for Nonproliferation, 2006. Vol. 13, No 3. doi:10.1080/10736700601071629.
46. Song S. Evolution of Science and Technology Poles: The case of Daedeok Science Town // Journal of Science and Technology Studies. 2009. Vol 9, Issue 1. Pp. 33–55.
47. Lee K., Kim B. Both Institutions and Policies Matter but Differently at Different Income Groups of Countries: Determinants of Long-Run Economic Growth // World Development. 2009. Vol. 37, No. 3. Pp. 533–549.
48. Park H. [100 Major Incidents_010] Established as Korea Electronics and Telecommunications Research Institute (ETRI) <May 1985>. 17.09.2012. (In Kor.). URL: <https://www.etnews.com/201209110586> (дата обращения: 16.11.2022).
49. Science and Technology Policy Institute (STEPI). ETRI 35-year R&D of ETRI: Comparison with 5-top Research Institutes in the World. 2012. Pp. 61–72.
50. Dominguez G. South Korea emerges as major defense industry player. 28.09.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/28/asia-pacific/south-korea-defense-industry-thriving/> (дата обращения: 16.11.2022).

References

1. Petrovsky V. Russian-South Korean relations. To the anniversary of the establishment of relations. 02.10.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27651> (date of access: 25.11.2022).
2. Han Y. The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea. Cambridge : Harvard University Press, 2011. Pp. 35–57.
3. Malkasian C. The Korean War 1950-1953. Osprey Publishing Limited, 2001.
4. Kurbanov S. A course of lectures on the history of Korea. Saint Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University, 2002.
5. [1961 Today] Park Chung Hee took office as Chairman of the Supreme Council for National Reconstruction. 03.07.2017. (In Kor.). URL: <https://www.yeongnam.com/web/view.php?key=20170703.010080723120001> (date of access: 14.10.2022).
6. Abramovitz M. Simon Kuznets (1901–1985) // The Journal of Economic History. 1986. Vol. 46, No. 1. Pp. 241–246.

7. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven and London : Yale University Press, 1966. Vol. 17. Pp. 9–12.
8. Jang D. (Memoirs of Jang Do-young) Nostalgia. Dream in the Forest, 2001.
9. National Reconstruction Supreme Conference. Joongang Ilbo. 23.02.1982. (In Kor.) URL: <https://www.joongang.co.kr/article/1619448#home> (date of access: 20.12.2022).
10. Paklin N. Interview with the curator of the French special services in the De Gaulle government Konstantin Melnik // Russian Newspaper. 19.04.2008. URL: <https://rg.ru/2008/04/19/melnik.html> (date of access: 13.10.2022).
11. McNamara R.S., Van De Mark B. In Retrospect: The Tragedy and Lessons of Vietnam. 1995. P. 9.
12. Walter Rostow Economic historian who was adviser to two US Presidents, remaining a hawk about the Vietnam War until the end. The Sunday Times. 19.02.2003. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/walter-rostow-p9zs86g3thx> (date of access: 18.11.2022).
13. Kennan D. The Long Telegram. 1946. URL: <http://www.coldwar.ru/bases/telegramm.php> (date of access: 05.09.2022).
14. Ratnikov N. Marshall plan. URL: <http://www.hrono.ru/sobyty/1900sob/1947marshal.php> (date of access: 12.10.2022).
15. Rostow W.W., Millikan M. A Proposal: Key to an effective foreign policy. New York : Harper & Brothers. Pp. 16–19.
16. Suslina S. Republic of Korea: from recipient to donor of official development assistance // Bulletin of MGIMO University. 2011. No. 4. Pp. 114–118. doi:10.24833/2071-8160-2011-4-19-114-118.
17. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
18. Park Chung Hee. Korea Reborn. A Model for Development. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, USA, 1979.
19. Lee C.G. North Korea's nuclear program. Tree of Thought. (In Kor.). 2005. Pp. 72–75.
20. Pchelnikov V., Sukhotina A. Historically formed processes of integration of architectural objects with transport routes // Construction and technogenic safety. 2014.
21. Brendan Flattery. Language, Culture, and Pedagogy: An Overview of English in South Korea. University of Toronto, 2007.
22. Science and technology education. National Archives of Korea. (In Kor.). URL: <https://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=003169&sitePage=1-2-1> (date of access: 14.09.2022).
23. Amsden A.H. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. Oxford University Press, 1989. P. 9.
24. Jeon C. A Road to Modernization and Unification: The Construction of the Gyeongbu Highway in South Korea // Technology and Culture. 2010. Vol. 51, No. 1. Pp. 55–79.
25. Wolf C. Economic planning in Korea. RAND Corporation, 1962. P. 12.
26. 2022 Military Strength Ranking. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (date of access: 05.11.2022).
27. Top 10 Countries with the Highest Number of Active-Duty and Reserve Military Personnel (in members). URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/military-size-by-country> (date of access: 05.11.2022).
28. On the establishment of the regular strength of the Armed Forces of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation No. 575 dated 25.08.2022. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 25.08.2022).
29. National defense/military service. National Archives of Korea. (In Kor.). URL: <https://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=006335&pageFlag=&sitePage=1-2-1> (date of access: 05.11.2022).
30. United States Forces Korea. URL: <https://www.usfk.mil> (date of access: 15.11.2022).
31. Luong D. It's Time for South Korea to Acknowledge Its Atrocities in Vietnam. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/12/30/vietnam-war-south-korea-massacres-history-diplomacy/> (date of access: 06.09.2022).
32. Bong L.J. U.S. Deployment of Nuclear Weapons in 1950s South Korea & North Korea's Nuclear Development: Toward Denuclearization of the Korean Peninsula // The Asia Pacific Journal. 2009. URL: <https://apjif.org/-Lee-Jae-Bong/3053/article.html> (date of access: 07.11.2022).

33. Topchiy I.A. Chinese troops on the territory of the DPRK after the end of the Korean War (1953-1958) // Izvestia of the Laboratory of Ancient Technologies. 2020. Vol. 16, No. 1. Pp. 245–256. doi:10.21285/2415-8739-2020-1-245-256.
34. Grayson J.H. Korea – A Religious History. Revised ed. Routledge-Curzon, 2002. Pp. 157–158.
35. Demi T., Shaw J. Religion and Contemporary Politics: A Global Encyclopedia. ABC-CLIO, LLC, 2019. P. 365.
36. Population distribution in South Korea in 2022, by religion. URL: <https://www.statista.com/statistics/996013/south-korea-population-distribution-by-religion/> (date of access: 15.11.2022).
37. Masci D., Smith G.A. 5 facts about U.S. evangelical Protestants. 01.03.2018. URL: <http://pewrsr.ch/2FHDI0v> (date of access: 18.10.2022).
38. Kim G. An Anatomical Chart of South Korean Science and Technology in the 1960s: Their Relationships with Political Power // EASTS: An International Journal. 2011. Vol. 5, No. 4. Pp. 529–542.
39. Kim J., Shim S., Kim J. The Role of the Government in Promoting Industrialization and Human Capital Accumulation in Korea. University of Chicago Press, 1995. Vol. 4. Pp. 181–200.
40. The Korean Law Information Center. Science Education Act. (In Kor.) URL: <https://law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=3050#0000> (date of access: 12.11.2022).
41. Moon M.C. Understanding Compressed Growth of Science and Technology in South Korea: Focusing on Public Research Institutes // The Korean Journal for the History of Science. 2015. Vol. 37-2. Pp. 431–453.
42. Fischer H. CRS Report for Congress. North Korean Provocative Actions, 1950 – 2007. Congressional Research Service. 2007. Pp. 6–7.
43. Kim C.Y. A Thirty-Year History of Korean Economic Policy: A Memoir. (In Kor.). Joong-ang and Ilbo-sa, 1990.
44. Kim J.K. Park Chung Hee and Korea's Arms and Defense Industry. Seoul : Seoin Books, 2010. Pp. 183–201.
45. Hersman R., Peters R. Nuclear U-turns. Learning from South Korean and Taiwanese Rollback. The Monterey Institute of International Studies, Center for Nonproliferation, 2006. Vol. 13, No 3. doi:10.1080/10736700601071629.
46. Song S. Evolution of Science and Technology Poles: The case of Daedeok Science Town // Journal of Science and Technology Studies. 2009. Vol 9, Issue 1. Pp. 33–55.
47. Lee K., Kim B. Both Institutions and Policies Matter but Differently at Different Income Groups of Countries: Determinants of Long-Run Economic Growth // World Development. 2009. Vol. 37, No. 3. Pp. 533–549.
48. Park H. [100 Major Incidents_010] Established as Korea Electronics and Telecommunications Research Institute (ETRI) <May 1985>. 17.09.2012. (In Kor.). URL: <https://www.etnews.com/201209110586> (date of access: 16.11.2022).
49. Science and Technology Policy Institute (STEPI). ETRI 35-year R&D of ETRI: Comparison with 5-top Research Institutes in the World. 2012. Pp. 61–72.
50. Dominguez G. South Korea emerges as major defense industry player. 28.09.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/28/asia-pacific/south-korea-defense-industry-thriving/> (date of access: 16.11.2022).

Информация об авторе

В.Е. Грудев – министр инвестиционной политики Сахалинской области, соискатель Института Китая и современной Азии Российской академии наук.

Information about the author

V.E. Grudev – Minister of Investment Policy of the Sakhalin Region, Candidate of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 04.06.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 04.06.2023.